

Анна
Гурова

КНЯЗЬ ТИШИНЫ
Книга 1

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Г95

Гурова, А. Е.

Г95 Князь Тишины / А. Е. Гурова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 418 с. — (Миры Анны Гуровой).

ISBN 978-5-521-73623-2

Как оживить нарисованную на стене голову и заставить ее произнести признание в любви?

Что делать, если превращаешься в зомби, и на возвращение в мир живых у тебя ровно сутки?

Как привлечь внимание парня, который не обращает на тебя внимания?

Что делать, если призрак, вызванный тобой из небытия, оказывается коварным и кровожадным демоном?

И вообще, как жить в этом мире, если тебе четырнадцать, родители решительно тебя не понимают, а сама ты учишься в мастерской реальности Приморского района Санкт-Петербурга?

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
ВІSAC FIC000000

ISBN 978-5-521-73623-2

© Гурова А.Е., 2019
© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

Часть I

Глава 1.

ГЕЛЯ СЛУЧАЙНО СОЗДАЕТ ПУСТЫНЮ И ПОПАДАЕТ НА СПЕЦКУРС Д

Мы пользуемся материей как оболочкой и оружием.

Девиз мастерской реальности среднего
художественного училища № 11

5

Я опоздала к Антонине в мастерскую на полторы минуты против назначенного времени. Вообще-то, можно было бы и не беспокоиться. Сегодня у меня нет занятий. Просто Антонина попросила — вернее, повелела — зайти и выслушать ее заключение о моей авторской внепрограммной работе «Сакура в цвету».

Пробегая через сад к двери мастерской, я заглянула в окно — народу немало. Какие-то малолетки, я их не знаю, может, первый год, в основном девчонки. Толкаются, заливаются хихикают — зверюшек, что ли, творят? Помню-помню.

Мое место вроде не занято. Авось Антонина не заметит меня, а я скажу, что сижу уже давно. Она страшно не любит, когда опаздывают.

В центре мастерской стоял здоровенный металлический верстак, обложенный кафелем, с латунными заслон-

ками по бокам. Вполне возможно, что это не верстак, а печь, которую Антонина использует для каких-нибудь алхимических штучек — с нее станется. Полверстака занимало мое творение — «Сакура в цвету» в стильной керамической вазе. Я не удержалась, чтобы не полюбоваться, хотя это усугубило мое опоздание еще секунд на двенадцать. Даже сквозь давно не мытое стекло сакура смотрелась изумительно. Смелый изгиб узловатого ствола, кружево тонких веток и предмет моей особой гордости: огромные — в два раза больше нормального — трепетные белые бутоны с розовой сердцевинкой. Даже не верится, что это моя работа.

Антонине, впрочем, не понравится. Она всегда найдет, к чему прицепиться, а я, наивная, каждый раз с замислением сердца ожидаю похвалы. Что характерно, не дождалась еще ни разу. Да, надежда не просто умирает последней — у меня так она вообще непотопляемая.

Мастерская Антонины располагалась в довольно тесной пристройке со сводчатым потолком и высокими узкими окнами. Зато туда вела отдельная дверь (как я узнала впоследствии, это было проявлением глубокой мудрости со стороны начальства). Я тихонько потянула на себя тяжеленную разбухшую дверь, обшитую неизвестно чьей черной кожей... и столкнулась нос к носу с Антониной. Судя по ее взгляду, она меня ждала. Точнее, подкарауливала.

Сколько ей лет, не знает никто на свете. Говорят, пятнадцать лет назад она выглядела так же. Невысокая худощавая женщина с висячим носом, узким лягушачьим ртом, щучьими зубами и соответствующим взглядом. Прямые черные волосы не по возрасту завязывает в высокий «хвост» или распускает по плечам, приобретая отчетливое сходство с ведьмой. А одевается вообще дико: вот сейчас, например, вырядилась в пончо и ботфорты в со-

четании с тренировочными штанами. И притом очевидно считает себя красавицей.

— Явилась... — Это было сказано особым холодно-язвительным тоном, который вгонял меня на первых порах обучения в необратимый физический и умственный ступор. — Не торопиться, дорогуша. Думаешь, сдала куст в горшке и можно расслабиться?

На тон я давно уже научилась не обращать внимания, но при слове «куст» упала духом. Антонина сунула мне под нос свои наручные часы-«будильник». Кстати, руки у нее дивные: такое чувство, что ими она видит лучше, чем глазами. Последними она пользуется, только чтобы смотреть на всякие второсортные предметы, типа меня.

— Почти две минуты. И не первый раз. Полагаю, при таком отношении тебе стоит подумать о переходе в другую мастерскую...

— Минута сорок четыре секунды, — покосившись на секундомер, как бы невзначай заметила я.

Это ей будет капелькой бальзама на сердце. У Антонины странные отношения со временем: для нее секунды, как для остальных минуты. Она это скрывает — стесняется, что ли? Я недавно догадалась об этом и всю пользуясь. Вот, подействовало. Антонина перестала загоразивать вход в мастерскую.

— Иди, погляди еще раз на свой куст и хорошенько подумай.

«Чего там думать-то, — подумала я, — если все сделано безупречно».

Растолкав малолеток, я скинула чью-то сумку с единственной свободной табуретки и уселась напротив сакуры. Она даже пахла — правда, тяжеловатый аромат скорее напоминал черемуху. Но, с другой стороны, откуда мне знать, чем должна пахнуть сакура? Я и вишню-то ни разу толком не нюхала.

Мысли поплыли. Со мной это часто бывает — сижу, как в трансе, и грежу наяву. На этот раз я обратилась грезами к непосредственной причине опоздания... Коридор старого корпуса художественного училища, четырехугольное пятно света на стене, в солнечном луче порхают пылинки (а окон, между прочим, поблизости нет). В пятне света танцует незнакомая девушка в кремовом топе и тонких брючках в обтяжку. Скупые, точные движения. Маленький шаг, перекатом с пятки на носок. Левое бедро идет вперед, левое плечо — назад, голова — вполоборота, ресницы в том же ритме опускаются вниз, и опять все по новой.

Я подхожу поближе, раскрыв рот. Эх, сколько лет учусь, а все покупаюсь на такие вещи! Полная иллюзия реальности! Когда у нас проходила первая специализация, я тоже мечтала стать мастером иллюзии, но меня не взяли.

8

Вот они, стоят в тени — два красавца-парня в синих одинаковых джемперах с негритянскими косичками до плеч. Это на их отделении сейчас такая мода. Тоже иллюзия, конечно. При моем приближении красавцы прекращают обсуждение девушки и вперяют в меня недружелюбные взгляды. Будущие мастера иллюзии не любят нас, реалистов. С одной стороны, им проще — с их отделения мастерами станут процентов семьдесят, а с нашего — дай бог, два-три процента, остальные идут в расход. Зато с настоящим мастером реальности никакой иллюзионист не сравнится. Они это знают, и им завидно.

Впрочем, то же самое они говорят и о нас. Зато в плане напакостить реалисты, конечно, сильнее: никакая иллюзия присутствия кошачьего дерьма в темном гардеробе мастерской Антонины не идет в сравнение с настоящим кошачьим дерьмом, в которое вляпается будущий

мастер иллюзии, не способный отличить видимость от реальности.

Да фиг с ними, с мастерами. Я хочу научиться двигаться так же непринужденно и грациозно, как их девушка. Бедро — плечо — подбородок — ресницы... В чем фокус? Чтобы не смущать иллюзионистов, я ухожу за угол, нахожу там стеклянную дверь и долго топчусь и покачиваюсь перед ней, впустую тратя время и навлекая на себя гнев Антонины. Может, я что-то упустила? Например, движение локтя или кисти руки?

— ... Ну, надумала?

Я поспешно вышла из транса.

— По-моему, все нормально.

— Ах, все нормально, — зловеще повторила Антонина. — Все, значит, тебя устраивает...

Малолетние девчонки оставили свои работы и, как по команде, повернулись ко мне, предвкушая забаву. Преподавательница их не разочаровала. Окинув мою саккуру невыразимо презрительным взглядом, она собственноручно принялась обрывать белые цветы и бросать их на пол. Деревце облысело в одну минуту. Нет, я не смела сопротивляться — но лучше бы она повырывала мне все волосы! В тот миг я ее ненавидела страшной ненавистью.

Это было чисто демонстративное наказание, так сказать, акция устрашения, ведь она могла просто дематериализовать цветы и тихо, не привлекая внимания, объяснить мне, чем они ей не приглянулись. Но подобная тактичность, к сожалению, не в стиле Антонины.

— Теперь понятно? — тяжело дыша, спросила злыдня.

— Нет, — с ненавистью процедила я.

— Для особо тупых поясняю, — ответила она с деланным терпением. — Эти белые, дурно пахнущие лепехи — безвкусица. Бутафория. Мещанство. Я надеялась, ты заметишь сама. Ты могла, но не захотела — почему, не по-

нимаю. Теперь взгляни на дерево. Про ствол я, ладно уж, промолчу. А это что такое?

— Где? А, это... Шипы.

— Откуда на вишне шипы?

— А разве на вишне нет шипов?

— Нет.

— Хм. А может, на сливе есть?

— Я тебе скажу, почему на твоей вишне выросли шипы. Это отрыжка неразвитого эстетического чутья. Ты почувствовала, что переложила сахару, и попыталась компенсировать свои аляповатые бутоны шипами. Как бы уравновесить, понимаешь?

— Нет, — повторила я из чистого упрямства.

— И получился ботанический урод, — закончила Антонина. — Ничего, зато горшок вышел вполне прилично. Ладно. Приступай к работе. Все надо переделать.

Моя душа была погружена в глубокое уныние. Вот это и называется — удар в самое сердце.

— Что же мне теперь делать с бутонами?

— Совсем фантазия не работает? Допустим, они еще не распустились. Наметь почки, а ветки оставь, как есть. Я прослежу, чтобы дальше все было в порядке.

«Зато горшок хорошо получился», — злобно подумала я, испытывая острое желание запустить сакурой в любимую учительницу.

Да, любимую. Наверно, я мазохистка. Помню, когда я была девчонкой-малолеткой, то боялась ходить на ее уроки, потому что глумилась она надо мной по-страшному. Мне вообще сначала не давалась учеба, да и не только мне, но учителя были снисходительны и терпеливы — все, кроме Антонины. Она на дух не переносила безрукость и бездарность. Сколько несчастных копыт-мутантов было выхвачено из моих рук и безжалостно